

му, тем антиобщественным существом, каким его обычно изображают: он, напротив, работает над укреплением настоящего общества, настоящей общественной связи. Природа общественной связи — это спорный вопрос, вокруг которого идёт борьба социологических школ — получает, таким образом, совершенно естественное объяснение: это наследие, завещанное человечеству всем его прошлым, это — естественная, биологическая потребность во взаимопомощи. Эта связь, которую государство всегда только ослабляло, этот общественный инстинкт сможет вполне развиться и проявить себя только в обществе, из которого будет изгнано всякое принуждение. Таким образом, на вопрос, который нам ставят: «уничтожая государство и юридические формы, чем заменяете вы их и как вы обеспечиваете жизнь общества?» — у нас есть теперь готовый ответ: «общительностью, потребностью во взаимопомощи, т. е. научно-установленным биологическим фактором всякой общественной жизни, единственно реальным и противопоставляющимся всем метафизическим сущностям, которые нам хотят навязать как необходимые».

Распространяя на общественные науки другую основную черту современного мышления: исходить в изучении вещества из его мельчайших, неделимых частиц, Кропоткин приходит к мысли, что, изучая жизнь человечества, нужно начинать с основания, с личности. Она одна имеет реальное существование, тогда как общество, государство, право, закон — не больше, как отвлечённые понятия, созданные нашим умом для обозначения тех или иных отношений между личностями. Как таковые, они не могут иметь ни независимого существования, ни интересов, ни судеб, помимо интересов и судеб людей; в особенности же они не могут иметь никаких прав, которые превышали бы права личности, потому что никакое право не может принадлежать тому, что не существует. Общественные формы существуют благодаря существованию личностей и для них; история не проходит через головы людей, унося их в своём течении: она осуществляется только посредством их и прогресс идёт только благодаря им и создаваемым ими общественным формам.

Таким образом, в основе изучения общества лежит изучение личности, а это последнее относится к области психологии. Мысль, что психология — необходимая основа всякого социологического исследования, сравнительно нова. Основатель социологии Огюст Конт¹ совершенно не считался с нею: в его классификации наук переход от биологии к социологии, от анатомического и физиологического изучения животного организма к изучению общества совершается непосредственно. Да иначе в эпоху Конта и не могла складываться научная мысль: психология была ещё слишком во власти умозрительной метафизики. Но с того времени наука пошла вперёд: родилась психология физиологическая, затем психология сравнительная. Промежуточное звено между социологией и биологией было найдено. Ум Кропоткина сейчас же уловил всё значение этого факта и сейчас же поставил вопрос о происхождении высших стремлений человека — общественных чувств, чувства солидарности.

Построение новой этики занимало Кропоткина издавна, начиная с первой его брошюры о «Нравственных началах анархизма»² и до последних лет жизни. Это был его основной труд, который он надеялся закончить, но который всё разрастался и усложнялся, по мере того как новые научные работы приносили с собой новые данные. Кроме того, пропагандистская работа, требования минуты, сотрудничество в анархической печати всех стран часто отрывали Кропоткина от этой работы. Уже после его смерти был издан в России первый том «Этики» (критический обзор систем нравственности у различных философов); второй — в котором должна была заключаться оригинальная часть работы, изложение новой этики — остался, к величайшему сожалению, незаконченным. Но и того, что мы знаем из этого первого тома и из частичных работ, напечатанных раньше, достаточно, чтобы составить себе представление о философском и социологическом характере этого труда.

Первый вопрос в этой области: чего мы вправе ждать от научно-построенной этики, какова бы она ни была? Можем ли мы требовать от неё правил поведения, которым мы обязаны были бы повиноваться во имя принципа, стоящего выше наших собственных стремлений? Можем ли мы, другими словами, ожидать от науки кодекса нравственности? Очевидно, нет. Всё, что она может дать нам, это знание происхождения нравственного чувства, его роли в человеческой эволюции, условий, наиболее благоприятствовавших для удовлетворения человеческих потребностей. Затем уже наше дело —

¹ Конт Огюст (19.01.1798, Монпелье — 05.09.1857, Париж) — французский философ, один из основоположников позитивистской школы в философии и социологии.

² Имеется в виду работа П. А. Кропоткина «Нравственные начала анархизма». Последнее издание на русском языке см.: Кропоткин П. А. Анархия, её философия, её идеал // Кропоткин П. А. Сочинения. М., 2004. С. 792–841.